

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО: ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Проблема политического лидерства является одной из наиболее разрабатываемых в современной социальной науке. Однако, несмотря на множество работ по данной тематике, по образному утверждению Нойбергера, «тот, кто хочет ориентироваться в области лидерства, с неизбежностью соприкасается с трудно обозреваемой местностью, на карте которой имеется целый ряд потемкинских деревень, неприступных крепостей и диких троп» [1].

Особое значение исследование феномена политического лидерства, его детерминант имеет для стран СНГ, поскольку они относятся к числу так называемых лидерских стран, в которых политическая воля отдельных властных субъектов доминирует над законом и политическими институтами, равно как и то обстоятельство, что в современном мире, вследствие вызванных масс-медиа процессами виртуализации и персонализации политического пространства, влияния политического лидерства на жизнедеятельность общества резко увеличивается.

Проблема детерминации политического лидерства как целостного феномена, имеющего универсально-исторический характер, в современной науке практически не изучена. Имеющиеся же исследования можно сгруппировать по четырем направлениям.

Суть первого заключается в том, что выделяются отдельные источники политического лидерства, например, религиозные или идеологические. Однако их детерминирующий потенциал, место в системе мотивационных образований, связи и взаимозависимости с другими детерминантами не определяются. Характерной особенностью этого подхода является также ограниченность исследований конкретной политической фигурой без претензий на научные обобщения.

Второе направление концентрирует свое внимание на психологических детерминантах политического лидерства. В план исследований может включаться также некоторая совокупность политико-культурных факторов, которые рассматриваются, однако, не в непосредственно детерминирующем проявлении, а опосредованно - как «внешние обстоятельства», как объяснительный фактор, используемый в качестве «последнего аргумента» в ситуации исчерпанности интерпретаций психологических.

Третье направление, доминирующее в немецкой политической науке и имеющее концептуальное начало в трудах Гегеля и Вебера, указывает на значимость в системе детерминации политического лидерства объективных институционально-правовых факторов. Политико-культурные факторы рассматриваются при этом не в деятельном проявлении (мотивационном и/или коммуникационном), а как условие политической практики лидера.

Четвертое направление политических исследований ориентировано на анализ социокультурных детерминант как непосредственных источников политической активности лидеров и установление между ними иерархических связей и зависимостей. Эти исследования учитывают, однако, детерминирующее воздействие только двух-трех факторов, жестко локализованных историческим пространством и персональным представителем. Например, Такер, ставя перед собой цель проследить политико-культурную детерминацию политического лидерства, в качестве объекта исследования ис-

пользует только государственных лидеров Советской России, а среди совокупности источников их деятельности выделяет только детерминирующие возможности «базового мифа», порожденного напряжением между «идеальной» и «реальной» культурами [2]. Во многом схожую позицию занимает Кассирер, который, анализируя детерминанты политического лидерства, ограничивает их как исторически (фашистская Германия), так и содержательно (миф, символ и язык) [3].

При всей значимости психологических и объективистских источников политического лидерства наибольшее детерминирующее воздействие на этот феномен оказывают социокультурные детерминанты, в первую очередь, политико-культурные. Однако, как справедливо отмечает Ким, «до сих пор политическое лидерство рассматривалось безотносительно к исследованию социокультурной идентичности. В трудах многих ученых оно представало в качестве абстрактного механизма власти, акцент делался на изучении его функциональности или оптимальности», в то время как «лидерство есть культурно и исторически обусловленный феномен» [4].

Это связано с тем, что культура является феноменом, характеризующим базисные, подлинно человеческие структуры личности, включая ее мотивационные сферы. «Культура - это форма *самодетерминации* индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления» [5]). В ее основе находятся упорядоченные смысловые структуры, связанные с определенными ценностно-нормативными системами. Поэтому всякая человеческая деятельность в своих первоосновах ценностна. «Человек есть существо оценивающее, определяющее качество. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания» [6]. Личность проявляет и осознает себя в мире через культуру, которая, являясь ее интегративной характеристикой, определяет содержательность и качество жизни человека, формирует сознательное и активное отношение к миру.

«Каждая историческая эпоха, - пишет Митина, - рождает свою культуру, а каждая культура формирует приоритетный для данного общества тип личности. При этом фиксируется и конкретный личностный идеал, сопряженный, как правило, с социальным идеалом данной эпохи и... преобладающей в данном обществе системой духовных ценностей. На основе последних в свою очередь складывается и специфическая ментальность человека... Мир личности, инспирированный господствующей культурной доминантой, в то же время выступает как некоторая внутренняя целостность...» [7]. Несмотря на то, что многие культурные формы, мотивы, архетипы живут тысячелетиями, и их подлинный смысл меняется, «общие контуры культуры весьма консервативны» [8]. В различных культурах люди, воспринимая и осознавая мир, конструируют свою особую, исторически обусловленную картину мира, которая, будучи личностно присвоенной, выступает в качестве важнейшего мотива человеческой деятельности. Сами же «идеи» о мире, доминирующие в определенных исторических эпохах, в полной мере доступны научному анализу посредством построения идеализированных объектов с последующей их пространственно-временной локализацией.

Лысюк Анатолий Иванович, к.ф.н., доцент каф. политологии и социологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина; e-mail: Llysiuk@hotmail.com.

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

Родовой сущностью культуры является также то, что Библиер называл «изобретение «мира впервые», выражающееся в *произведении* как воплощении собственного бытия индивида. Политическое лидерство, как процесс перманентного обмена творческими энергиями между лидером и последователями, субстанционально существует как раз в плоскости пересечения предметно-преобразовательной и инновационно-художественной деятельности. Конкретные проявления политического лидерства всегда оригинальны, неповторимы и художественны. Они с трудом поддаются научным обобщениям, однако могут становиться доступными сравнительному анализу посредством соответствующих типологизаций мотивов и стилистики деятельности лидера и последователей.

Для анализа социокультурных детерминант политического лидерства существенное значение имеет и то обстоятельство, что «плотью» культуры, ее социализирующим конструктом и смысловым ретранслятором выступает культурная традиция, под которой понимается не только исторически унаследованная ценностная система, «память» об окружающем мире, но и традиционность подхода к восприятию и оценке старых/новых реалий. Особенностью культурной традиции является историческая кристаллизация ее основополагающих элементов в определенных ценностных системах. Вследствие этого исследователь, соприкасающийся с традицией, имеет дело с устойчивыми переменными, поддающимися типологизации, верификации и сравнительному анализу. Действительно, если мы возьмем, например, фигуры политических лидеров, представленные в различных исторических эпохах, то оказывается возможным определение конституирующих элементов их лидерства посредством анализа совокупности господствующих ценностных ориентаций, образцов стилистики политической деятельности, особенностей вербального дискурса и символической политики.

Учитывая деятельный характер политического лидерства, принципиально важным является фиксация интеграционной «связности», «слитности» деятельности и культуры. Именно культура *ценностно* пронизывает все структурные компоненты феномена политического лидерства, определяя его качественную определенность, герменевтический и целеполагающий потенциал, поскольку «власть – это смысловое начало... Она предстает в качестве реальности, связанной с первосмыслами культуры» [9].

Человек как субъект и объект политической жизни испытывает на себе детерминирующее воздействие двух пластов культуры: общей, находящей свое особенное преломление в сфере политической деятельности, и культуры политической, тотально пронизывающей политическую деятельность и определяющей ее основные смысловые стратегии. Вследствие этого основные агенты политического лидерства (лидер - последователи) в своих политико-ценностных ориентациях, способах коммуникации с неизбежностью выступают как социальные субъекты, деятельность которых в содержательно-смысловом плане детерминирована культурологическими составляющими.

В конечном счете, анализ социокультурных детерминант лидерства позволяет «схватить» тот пласт проблематики, который традиционно игнорируют в силу специфики собственного предмета исследования ни политическая психология, ни ориентированный на социальные системы политологический макроанализ. Речь идет о совокупности ориентаций и образцов поведения субъектов политики, непосредственно интегрированных в систему политического лидерства.

Наряду с собственным детерминирующим потенциалом, социокультурные факторы обладают способностью улавливать, воспринимать, адсорбировать, перерабатывать детерминирующие импульсы, идущие как от психологических феноменов социальной деятельности, так и от императивов объективной необходимости.

Среди феноменов культуры в силу тотальной интегрированности в политическую деятельность наибольшее влияние на систему политического лидерства оказывает политическая культура.

В современной мировой политической науке в целом существует тождество позиций относительно содержательных параметров политической культуры, основанное на принятии в качестве базового определение этого феномена американскими исследователями Алмондом/Вербой. «Термин «политическая культура», - отмечают они, - указывает на специфические политические ориентации, на установки относительно политической системы и ее различных сфер, а также собственной роли внутри системы... Когда мы говорим о политической культуре общества, то имеем ввиду политическую систему в том виде, в каком она обнаруживается в мышлении, чувствах и ценностях людей... Политическая культура нации состоит из... образцов ориентаций членов этой нации относительно политических объектов» [10].

В политической науке выделяется узкое и широкое понимание политической культуры. Узкое понимание по сути дела отождествляет ее с политическим сознанием и включает в себя как актуальные политические установки, мнения и настроения, для которых характерна неустойчивость и изменчивость, так и устойчивые, основанные на традиции ценностно-нормативные системы, интериоризированные политическими акторами.

Категория политической культуры, взятая в широком плане, включает в себя, помимо политического сознания, также устойчивые модели поведения субъектов политики, доминирующие формы политического участия. В данном контексте «политическая культура рассматривается как: а) политическое измерение культурной среды общества; б) характеристика поведения конкретного социума и составляющих его людей; в) показатель его цивилизационного развития» [11].

Следует отметить, что политической культуре присуща субкультурная дифференциация. Она проявляется как в *горизонтальной* плоскости в виде различных стилей политического поведения, систем ценностных ориентаций и идеологических предпочтений, так и в *вертикальном* выражении как субкультурная дифференциация между различными социальными субъектами, в частности, между лидерами и последователями. В целом для политической системы отдельного государства характерен определенный тип политической культуры, обладающий своей качественной определенностью. «При всех различиях в социальной структуре общества проблема выделения политико-культурных систем решается, как правило, на национально-государственном уровне, тогда как внутригосударственные политико-культурные образования рассматриваются в качестве *подсистем* или *субкультур*» [12].

При исследовании феномена политической культуры некоторые авторы разделяют ее на два уровня - «политическая социальная культура» и «культура политического истолкования». Первый уровень состоит из имеющихся у субъекта установок и образцов поведения. Второй включает в себя «ассортимент коммуникативно передаваемых политических интерпретаций» и обращает внимание не только на содержание мотивации и политико-культурного коммуникативного сообщения, но и на его *значение*, а также то, *как* это сообщение воспринимается, интерпретируется и интегрируется в мотивационные структуры [13]. В этом случае в сферу научного анализа вводится не только внешне выраженный пласт политической культуры, но и «скрытый», обладающий, как отмечает Диттмер, «металингвистическими» свойствами, в котором «факты интересны не сами по себе, но в силу проявляемого с их помощью отношения к другим фактам» [14]. Это особенно характерно для недемократических политических систем, в которых позиция, несанкционированная «сверху», подвергается репрессиям.

Естественно, подобная дифференциация во многом условна и используется в сугубо эвристических целях, однако она указывает на необходимость изучения игнорируемых в большинстве исследований символического и герменевтического пласта политической культуры. Поэтому при изучении процесса взаимодействия лидера и последователей становится обязательным анализ задействованных в коммуникации знаковых систем, в первую очередь вербальных и символических, а также искусства их использования политическим лидером.

Какие же элементы политической культуры задействованы в детерминации политического лидерства?

Во-первых, те из них, которые в силу исторической укорененности в политическую культуру общества, определяют его базовые ценностные структуры. Речь идет о таких исконных нация-государственных идеях как этническая принадлежность, концентрированно выраженная в национальном характере, и религиозное мировоззрение. Закономерным образом определенный тип национально-государственной политической культуры определяет базовые характеристики государственного лидерства. При этом в центре внимания оказываются не только определенные политико-идеологические ориентации, но и основополагающие духовные скрижали, определяющие «дух» нации, народа, государства, а также их проекция в содержательный план непосредственных политических ориентаций.

Например, при исследовании социокультурных детерминант политического лидерства в России мы должны первоначально выделить конституирующие элементы политической культуры, имеющие национально-религиозный, традиционалистский характер, а только потом - актуальные политические идеи, ценности и мнения. В этом случае в центре нашего анализа окажутся чувства подданничества и отчуждения от государственной власти, идеализация верховного правителя и религиозное оправдание его политической власти, культурная расколотовость и мессианство, соборность и коллективизм и т.д. По утверждению российских философов начала XX века, русская душа нигилистична и ортодоксальна, устремлена к трансцендентному и проникнута пессимизмом, «вечно-бабья» и привержена идее «единого мига», эстатична и одновременно склонная к «бунту» и т.п.

Эти особенности российской ментальности, исторически закрепленные на уровне традиции, стереотипа, архетипа, национального характера, естественным образом порождают общественные ожидания на лидера: а/ государственно-авторитарного; б/ с идеологией социального чуда; в/ с дихотомической картиной мира («свои» - «чужие»); г/ харизматического; д/ с идеями всемирного братства и социальной справедливости; е/ делающего ставку на идеи коллективизма и насилия. Государственные лидеры России, представляющие различные политические системы (монарх, революционный вождь, лидер советского государства, президент постсоветской России), обладают множеством общих типологических признаков, поскольку возвращены в «кровнородственной» социокультурной среде, изменяющей на протяжении столетий только внешние оболочки, но сохраняющей культурное «ядро».

Подобную зависимость типа лидерства от особенностей развития национальных политико-культурных систем можно показать на примере политической жизни Германии. Доминировавшие в национальном самосознании немцев первой половины XX века идеи национализма, прусского милитаризма, эстатизма, антипросветительства, антимодернизаторские установки, приоритет политической воли над императивами закона, сакрализация единоначалия, поглощение церкви государством и оправдание любой политической власти в лютеранстве привели к фашизации феномена государственного лидерства. Радикальная же трансформация политической культуры Германии в послевоенный период, становление гражданской политической культуры радикальным обра-

зом трансформировали тип лидерства, вызвав к жизни когорту лидеров, ориентированных не столько на архетипы национального самосознания, сколько на общедемократические, общеевропейские ценности. По этой причине к ряду с символическими фигурами Отца нации (Аденауэр, Коль), государственные лидеры Германии символизировали и искусство компромисса (Кизингер), и искусство технократического управления (Шмидт), и моральную силу (Брандт), и блеск медиа-звезды (Шрёдер), в полной мере отразив тот социологический факт, что по большинству культурологических параметров немцы являются большими европейцами и демократами, чем представители других государств.

Во-вторых, существенным детерминирующим потенциалом в системе политического лидерства обладают нравственные регуляторы деятельности. Объясняется это тем, что каждый человек обладает некоей системой нравственных ориентаций, которые он применяет в своих отношениях с окружающим миром, включая и мир политический.

Влияние морального фактора на систему лидерства осуществляется двояким образом. С одной стороны, он может выступать в качестве мотива деятельности лидера и последователей. С другой стороны, как критерий оценки последователями деятельности лидера. Например, в средневековье в моральном отношении, «королей как бы сводят к определенному числу типов: благородный и справедливый государь; государь, введенный в заблуждение дурными советами; государь, мститель за честь своего рода; государь, попавший в несчастье и поддерживаемый преданностью всех подданных» [15]. Процесс подобной оценки перманентен и стимулирует срабатывание эффекта «зеркала», т.е. отражение (проекцию) нравственной доминанты общества на нравственные позиции политического лидера.

В-третьих, важнейшим источником политического лидерства является тождество ориентаций и интерпретаций лидером и последователями ключевых элементов политической системы (государство, элита, оппозиция и др.). Эти политические ориентации служат основой для соответствующих идентификаций между ними. В случае же рассогласования данных интерпретаций существующий тип лидерства подвергается опасности делегитимизации, что, собственно говоря, произошло с лидерами Советского Союза эпохи перестройки.

В-четвертых, важным компонентом политического лидерства являются партийно-идеологические ориентации лидера и его последователей, их идентификация с определенными политическими партиями/движениями и характерными для них идеологическими системами (авторитаризм, национализм, (анти)коммунизм и т.п.). В различных политических системах детерминирующий потенциал этих ориентаций существенно различается. Например, в современной ФРГ путь к государственному лидерству открывает только победившая на выборах политическая партия. С другой стороны, в современной Беларуси, где наличествуют отчуждение от политических партий, интенсивно артикулируемые «надпартийность» и «народность» являются фактором, благоприятствующем политическому лидерству.

В-пятых, политико-культурная детерминация лидерства осуществляется также через оценку лидером и последователями собственных возможностей влияния на политический. При этом существенное значение имеют ориентации относительно структур «входа» и «выхода». Система «входа» включает в себя: а/ знания и интерес к политике и политикам; б/ включенность в политические коммуникационные структуры (объем и разнообразие информационных ресурсов лидера, умение оперировать ими, масштаб и способы доступа последователей к информационным каналам, возможность влиять через них (общественное мнение) на избрание лидеров, их политические позиции); в/ способы политической социализации лидера и последователей.

Для системы «выхода» характерны: а/ оценка последователями качества и эффективности деятельности политических лидеров; б/ приписывание им (лидерам) ответственности за те или иные политические решения и результаты их осуществления; в/ знание последователями процессов принятия решений и их распределения во властной иерархии.

В-шестых, детерминантом политического лидерства являются также актуальные политические мнения и настроения, по поводу которых осуществляется коммуникационное взаимодействие лидера и последователей. С наибольшей силой их значимость проявляется в странах, находящихся в стадии радикальных социально-экономических трансформаций. В этом случае особое значение может приобретать эмоциональная связь лидера и последователей (страх, отчуждение, энтузиазм, предрассудки, доверие и т.п.), а также способы социально-психологического воздействия (подражание, заражение, внушение, убеждение) первого на вторых, значимость которых эффективно подтверждает, например, лидерство А.Лукашенко.

В-седьмых, политико-культурные факторы в различных конфигурациях и иерархических зависимостях определяют социоисторические типы политического лидерства. К примеру, подданническая политическая культура определяла содержание связей между государственным лидером и последователями в средневековье и в странах мирового социализма, политическая культура участия - в древнегреческих демократиях и республиканском Риме, подданническо-партиципаторная политическая культура - в современной Беларуси, гражданская политическая культура - в США и т.п.

Очевидно, таким образом, что ценностно-смысловые компоненты определяют содержание деятельности лидера и последователей. Это проявляется и в их интегрирующем потенциале, и в том, что они составляют основу идентификаций между лидером и последователями, и потому, что являются основой синтезирующей мотивационную систему «базового мифа». Следовательно, содержание, формы, способы деятельности, трансформации системы политического лидерства лишь в ограниченной степени связаны с эффективностью социальных технологий. Решающее воздействие на них оказывает специфика и динамика изменений социокультурных кодов того или иного общества.

УДК 141.82

Дунаевский О.Е., Дунаевская Н.Г.

ВИНОВАТ ЛИ МАРКСИЗМ В СУДЬБЕ СССР?

В последние годы перестройки стало модным усматривать причину всех бед в развитии СССР в ориентации на марксистское учение. Эта точка зрения усилилась, когда произошло разрушение СССР. Поэтому вопрос заключается в том, виноват ли марксизм в судьбе СССР?

Надо отметить, что марксизм выступает в тройном качестве - как вера, идеология и наука.

Вера - это принятие чего-либо за истину, не нуждающееся в необходимом полном подтверждении истинности принятого со стороны чувств и разума.

Идеология представляет собой идейное оформление интересов того или иного класса или социального слоя.

Наука связана с познанием природы, общества и мышления в форме законов. С её точки зрения истина - это соответствие наших представлений действительности.

Тройным качеством марксизма объясняются противоре-

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Neuberger O. Führen und geführt werden. - Stuttgart, 1990, S. 2.
2. Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева// США: Экономика. Политика. Идеология. - 1990, № 1-6.
3. Кассирер Э. Техника современных политических мифов// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - 1990, № 2.
4. Ким О.Л. Политическое лидерство: социокультурный аспект. - Москва, ИНИОН, 2000. Деп. 55754 (22.06.2000), с. 1, 10.
5. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры. - М.: Политиздат, 1991, с. 289.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. - М.: Советский писатель, 1990, с. 271.
7. Митина В.И. Мир личности как мир культуры// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - 1997, № 6, с. 61.
8. Баткин Л.М. Тип культуры как историческая целостность// Вопросы философии. - 1969, № 9, с. 101.
9. Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. - СПб.: Церковь и культура, 2001, с. 14, 16.
10. Almond G., Verba S. The Civic Culture. - Boston, 1965, P. 12-13.
11. Войтенко В.П. Современная политическая культура: основные концепты и содержание (социологические аспекты)// Социология власти. - 2002, № 1-2, с. 170.
12. Страхов А.П. Особенности политического поведения российских избирателей: политико-культурный аспект// Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 1998, № 5, с. 20.
13. Sarcinelli U. Symbolische Politik und politische Kultur// Politische Vierteljahresschrift, Jg. 30. 1989. Nr. 2, S. 293.
14. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis// World Politics. - 1977, P. 568.
15. Хэйзинга Й. Осень средневековья. - М. Прогресс. 1988. с.15.

чия, как самого этого учения, так и его восприятия.

1. Марксизм как вера.

В нашей стране марксизм, прежде всего, был воспринят как вера в «светлое будущее». В этом отношении существуют достойные внимания точки соприкосновения марксизма с христианством. Ведь в раннем христианстве первоначально ожидалось «царство божие» на земле, которое вот-вот наступит. Затем идеологи христианства все более отдаляли это наступление. Пока, наконец, не перенесли его на небо, откуда, как известно, никто не возвращался.

Аналогичным образом обстоит дело и со светлым будущим. Сначала казалось, что вот только «разобьём белых, и такая жизнь начнется!». Отдаление сроков привело к созданию концепции развитого социализма как весьма длительного периода в развитии нового общества. На небо это «светлое будущее» идеологи не успели перенести.

*Дунаевская Наталья Геннадьевна, к.ф.н., доцент каф. социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.*